

Софрыгина Т.С.

ОБРАЗ ЧИЧИКОВА В КОНТЕКСТЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ МОТИВОВ

«В воротах показались кони, точь-в-точь как их лепят иль рисуют на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине. Свыше их, на козлах – кучер и лакей в широком сюртуке... За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных тонов».

(МД; Т7; 26)¹

Каждый писатель творит особый художественный мир, обладающий теми или иными свойствами и качествами. Наверное, один из самых многогранных загадочных художественных миров предстает перед нами в произведениях Н.В. Гоголь, в которых каждая деталь раскрывает перед читателем новый смысловой аспект. Немало исследований посвящено изучению гоголевских произведений, и уже давно не факт, что категория вещности – одна из определяющих все и вся в гоголевской вселенной. Но не менее важен и анималистический пласт, хотя он не так явственен и четок. Так же, как и предметные, анималистические мотивы раскрывают сущность героя произведения, например Чичикова, что и будет показано в данной статье.

«Мертвые души» – это поэма-путешествие. С первой страницы перед читателем возникает образ тройки, на которой в

свою очередь восседает другая «тройка»: Чичиков, Селифан и Петрушка. Присмотримся поближе к ним.

Основанием нашего рассуждения послужили идеи А. Белого², который заметил, что свойства чубарого коня сливаются со свойствами барина, а также соотнес Селифана с правой пристяжной, а Петрушку – с левой. При более пристальном внимании к тексту получилось другое соотношение между людьми и конями, а именно:

ЗАСЕДАТЕЛЬ	КОРЕННОЙ	«ПОДЛЕЦ»
КАУРЫЙ	ГНЕДОЙ	ЧУБАРЫЙ
ПЕТРУШКА	СЕЛИФАН	ЧИЧИКОВ

Попытаемся обосновать эту позицию.

1. Во всех отрывках, в которых описываются обе «тройки», происходит объединение людей и лошадей по настроению.

Как видно из приведенных цитат, описание одинакового настроения плавно перетекает от Чичикова и слуг к коням (всегда в такой последовательности!). Получается эффект «тройного зеркала»: эмоциональный фон при взаимоотражении в итоге получается ярким, насыщенным, гиперболизированным, настроение каждого последующего «элемента троек» подчеркивается предыдущим. Это наводит на мысль о существовании тесной связи между конями и людьми. Поэтому рассмотрим ее более детально.

2. Петрушка – каурый Заседатель.

Гоголевский персонаж ходит в **коричневом сюртуке**, а соотносимый с ним конь – **каурый**, т.е. светло-каштановый, рыжеватый, – сходство в цветовом параметре.

Петрушка «...характера был больше молчаливого, чем разговорчивого» (МД; Т6; 20), «...малый немного суровый на взгляд» (МД; Т6; 9) – в словаре М. Фасмера³ от слова каурый есть глагол **кауриться** – «**мрачно смотреть**».

Гоголь не раз подчеркивает типичность внешности чичиковского лакея: он «...имел, по **обычаю людей своего звания**, крупный нос и губы» (МД; Т6; 20), таким же, ничем не выделяющимся, является и Заседатель – «...**почти бесхарактерный**» (МД; Т6; 667); **обыкновенный пристяжной конь**» (МД; Т6; 573).

За непримечательной внешностью Петрушки скрывается «...**благородное побуждение к просвещению**, то есть к чтению книг» (МД; Т6; 20); каурый же имеет «...**благородное происхождение**... потому что был приобретен от какого-то заседателя» (МД; Т6; 40). Отсюда и происходит его кличка.

Петрушка вечно пьян, он – кабацкий **завсегдатель** (МД; Т7; 370), – отличие прозвища лакея от клички каурого заключается лишь в двух звуках.

3. Селифан – коренной гнедой.

Во-первых, Селифан – «глава» в людской тройке: он выбирает направление пути, и по его вине барин часто попадает не туда, куда желал бы, поэтому соотносим его с коренным конем – «главой» в тройке коней.

Во-вторых, именно гнедой является любимцем «лошадиного правителя» (МД; Т6; 266), он его называет **почтенным конем** (МД; Т6; 40); гнедой – «**фаворит**» (МД; Т6; 573) у кучера.

4. Чичиков – чубарый.

На протяжении всего повествования «МД» прослеживается сходство в описаниях Чичикова и чубарого.

И действительно, они оба **хитры, лукавы** (*чубарый*: «...от только на вид казистый, а на деле **самый лукавый конь**...» (МД; Т6; 217); «...этот чубарый конь **был сильно лукав**...» (МД; Т6; 40); Чичиков: «...отвечал **довольно лукаво**» (МД; Т6; 122); «...сказал с улыбкой **несколько плутоватой**» (МД; Т6; 164). «**Надул, надул чертов сын!**» (МД; Т6;) – скажет о нем понытчик, а Ноздрев прямо назовет его мошенником: «Ну да ведь я

знаю тебя: ведь ты **большой мошенник**, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве» (МД; Т6; 79). Генерал Бетрищев, вдоволь насмеявшись над несуществующим дядюшкой Чичикова, скажет: «Тебя сам черт угораздил на такую шутку» (МД; Т7; 170).

И Чичикова, и чубарого часто называют **подлецами** (Селифан о чубаром: «**подлец-лошадь**» (МД; Т7; 156); «... этот конь-с, право, **подлец-лошадь** и помеха» (МД; Т7; 172); «Да еще, сударь, чубарого коня, право хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем **подлец**» (МД; Т6; 82)). А. Белый⁴ писал, что последнюю приведенную цитату можно прочитывать по-разному: конь - подлец и Павел Иванович - подлец.

Открыто Чичикова называет подлецом Ноздрев («...ведь ты **подлец** ...» (МД; Т6; 79); «...совершенный Собакевич, такой **подлец**» (МД; Т6; 82)), сам Гоголь («Нет, пора **припрячь подлеца!**» (МД; Т6; 223)), а также Павел Иванович сам о себе в порыве горя скажет: «...я **мерзавец и последний негодяй**» (МД; Т7; 108), «... **я подлец**» (МД; Т7; 253).

На соотношение Чичикова и чубарого указывает «параллелизм» ситуаций в 5 главе, в начале которой описывается столкновение брички Павла Ивановича с коляской губернаторской дочки. При чем Гоголь опять же сначала дает описание чувств человека, а затем - ощущений коня.

«...герой наш (Чичиков) глядел на нее (барышню) несколько минут, не обращая никакого внимания на происшедшую кутерьму» (МД; Т6; 95).

«...чубарому так понравилось новое знакомство, что он никак не хотел выходить из колеи, в которую попал неподвиженными судьбами, и, положивши свою морду на шею нового приятеля, казалось что-то нашептывал ему в самое ухо, вероятно чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами.» (МД; Т6; 91).

Но как чубарого заставили попятиться прочь от новых знакомых, так и Чичикова изгнали из города прекрасной блондинки.

Сопоставление Павла Ивановича с конем продолжается и на жестовом уровне.

Во-первых, среди окружающих людей Чичиков выявляется манерой держать голову набок (ср. чубарый – пристяжной: «...морда направо...» (см. эпитаф)): «Чичиков раскланивался несколько **набок...**» (МД; Т6; 141); «...раскланивался направо и налево по обыкновению своему, несколько **набок...**» (МД; Т6; 163); «...раскланивался с ловкостью неимоверной, сохраняя почтительное положение головы **на бок**» (МД; Т6; 27); «**Наклоня почтительно голову на бок...**» (МД; Т7; 38); «...сказал скромно Чичиков, **наклонивши голову набок**» (МД; Т7; 41); «...сказал Чичиков, приветливо **наклоня голову несколько на бок...**» (МД; Т7; 61); «Он попробовал, **склоня голову несколько на бок**, принять позу...» (МД; Т7; 106); «...проговорил Чичиков, с легким **наклоном головы на бок**» (МД; Т7; 164); «...он держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же приятное **наклоненье головы несколько на бок...**» (МД; Т7; 225); «...на Чичиков отвечив, **поворотивши голову несколько на бок**, с свойственной ему приятностью...» (МД; Т6; 348).

Во-вторых, Чичиков очень часто совершает скачки: «.. .но тут чуть не произвел даже **скачок по образцу козла**» (МД; Т6; 37); «...произвел по комнате **два прыжка**, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги.» (МД; Т6; 125); «.. .и хотя никогда не танцевал, но **сделал антраша**» (МД; Т6; 161); «...подпрыгнувши на стуле с живостью, почти не свойственною для человека средних лет.» (МД; Т6; 226); «...сделал перед зеркалом **антраша...**» (МД; Т6; 468); «...он сделал два очень удачные не то чтобы совсем прыжка, а что-то вроде **полупрыжка...**» (МД; Т6; 473); «Едва ли даже он не подскочил на своих креслах...» (МД; Т6; 575); «...отхватил по всей комнате какой-

то танец из мазурки и трепака на цыганский образец с пришлепкой себя самого пяткой собственной ноги»// «...проплясал босяком по всей комнате что-то вроде цыганского танца, **весьма ловко пришлепывая себя самого пяткой собственной своей ноги**» (МД; Т6; 597); «Господин необыкновенно приличной наружности **соскочил на крыльцо с быстротою и ловкостью** почти военного человека» (МД; Т7; 26); «...**вскочил он в коляску с легкостью почти военного человека...**» (МД; Т7; 35); «С почтеньем Чичиков **соскочил...**» (МД; Т7; 37); «Чичиков **схватился со стула с ловкостью почти военного человека**, подлетел к хозяйке...» (МД; Т7; 70); «**Ловким подходом с подскочкой...** Чичиков совершенно обворожил Петербургскую даму, а вслед за нею и ребенка.» (МД; Т7; 95); «И понемногу начал он и **подпрыгивать, и** потирать себе руки...» (МД; Т7; 92); «В удовольствии он совершил тут же **легкий прыжок**, вроде антраша.» (МД; Т7; 106).

В-третьих, можно выделить ряд других действий Чичикова, свойственных и коню. Например, «.. **фыркнув** прежде всего раза два в самое лицо трактирного слуги.» (МД; Т6; 13); «И вот решился он сызнова **начать карьер.**» (МД; Т6; 233) (слово «карьер» имеет два значения: «карьера» и «резвый галоп»); «...помарщивался да **встряхивал головой.**» (МД; Т6; 2.0); «...Чичиков, слегка **покачиваясь** на лавке...» - как лошадь при движении.

К вышеперечисленному хочется добавить еще одно, уже нежестовое, сходство человека и коня: «.. он тот час же поспешил раздеться, отдав Фетинье всю снятую с себя **сбрую**, как верхнюю, так и нижнюю.» (МД; Т6; 47).

На этом связь между чубарым и Чичиковым не заканчивается, она обнаруживается, например, в сходстве цветовых параметров. У Чичикова фраки двух любимых тонов: **брусничного с искрой и наварринского пламени с дымом**, т.е. он придерживается «...**более коричневых и красноватых**

цветов с искрою.» (МД; Т6; 232). В свою очередь чубарый - это конь пятнистой или полосчатой масти: «..примесь рыжей шерсти к серой или к черной и белой»⁵; «полосчатую форму чубарой масти называют также тигровой, а мелкопятнистую - крапчатой»⁶ (крапинки на шерсти коня подобны искрам на фраке Чичикова).

В этимологическом словаре Фасмера М.⁷ чубарым называется конь серой масти, а такой цветовой параметр характерен у Гоголя для демонических персонажей (серая кошечка Пульхерии Ивановны, черт в «Пропавшей грамоте») так же, как и красный (красная свитка у черта в «Сорочинской ярмарке», красный жупан у колдуна в «Страшной мести»), а в первых редакциях поэмы чубарый называется серым конем, поэтому через него возникает связь Чичикова с чертовщиной, и дальнейший анализ будет опираться на тезис: «Чичиков- чубарый- черт».

Среди характеристик черта выделяется его принадлежность к *по-ту-стороннему миру*, она присутствует и при описании чубарого: Селифан называет его **Бонапартом** (МД; Т6; 40), в свою очередь Чичикова в городе NN принимают за Наполеона («..лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет **Наполеона**.» (МД; Т6; 206), а ниже в тексте французский император назван антихристом. «...панталонник немецкий...», «...варвар...» – обращается кучер к коню, Чичиков же «...был **суший немец** и одарен щедро той добродетелью, которой не достает у русского человека, а именно, терпением.» (МД; Т6; 569). (Ср. в «Ночи перед Рождеством» черт – «...спереди совершенно немец...» (НПР; Т1; 202)).

В поэме Павел Иванович часто имеет дело с инородцами - с польским «жидовством» (например, на таможне), о нем говорят: «...**богат, как жид**». (МД; Т6; 191).

Черт у Гоголя не только инородец, но и отщепенец, он побеждает себе подобных героев, оторванных, как и он, от рода (например, Петруся из «Вечера накануне Ивана Купа-

лы)). Главный персонаж МД тоже отщепенец, хотя в 10 главе первого тома подробно описано его детство: «...он (Чичиков) родился просто, как говорит пословица: **ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца.**» (МД; Т.; 224); «Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, **дряню человеку без роду и племени...**» (МД; Т6; 37) Герой сам себя отмежевывает от предков: «Он такую приобрел с этих пор народность, что иначе и не называли его, как Павлом Ивановичем, **как будто фамилии у него и вовсе не было.**» (МД; Т6; 330); «...родословная его темна.» (МД; Т6; 554).

Черта «всегда выдает сильный, очень громкий голос с примесью устрашающих и зловещих звуков.»⁸ Хотя у Чичикова голос ни громок, ни тих, но в поэме он отличается от других тем, что издает громкие звуки. («В приемах своих господин имел что-то солидное и **высмаркивался чрезвычайно громко.** Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, **как труба.**» (МД; Т6; 10); «...чихнул **так громко**, что подошедший в это время к окну индейский петух, заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке...» (МД; Т6; 48); « В заключеньи же речи **высморкался** он в белый батистовый платок **так громко**, как Андрей Иванович не слыхивал. Подчас попадется в оркестре такая пройдоха труба, которая если хватит, то кажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе. Точно такой же звук раздался в покоях дремавшего дома» (МД; Т7; 28); «...**высморкался очень звучно**, что он делал весьма искусно.» (МД; Т6; 263); «... **громко зарыдал** от нестерпимой боли сердца...» (МД; Т7; 111); «...он **громко зарыдал** голосом, проникнувшим толщу стен острога и глухо отозвавшемся в отдаленьи.» (МД; Т7; 110); «...**застонал он голосом**, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце.» (МД; Т7; 113); «...**крепкий сон во всю насосную за-вертку.**» (МД; Т6; 12).

От Чичикова не отстают и слуги («Оба (Селифан и Петрушка) заснули в ту же минуту, поднявши храп неслыханной густоты, на который барин из другой комнаты отвечал тонким носовым свистом» (МД; Т6; 153); «...завели пенье и храпенье совершенно неслыханного рода, на которое барин из другой комнаты отвечал особенным носовым свистом.» (МД; Т6; 468)) и чубарый конь («К этому лаю присоединился еще и чубарый конь, испустивши самое дикое и неистовое ржание.» (МД; Т6; 272); «...который такое поднял ржание, как будто он увидел целый табун (самых близких своих приятелей) лошадей.» (МД; Т6; 272)).

Черт обычно устраивает пиры «...по случаю особенных побед над людьми.»⁹ – Чичиков также празднует свой, правда временный, успех на балу, он тоже победил, провел окружающих.

Вообще, в поэме многие эпизоды посвящены описанию трапез и возлияний героя. «Автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей... что на первой станции потребуют ветчины, на другой - поросенка, на третьей - ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу с луком и потом, как ни в чем ни бывало, садятся за стол в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами шипит и ворчит у них между зубами, заедаемая растегаем или кулебякой с сомовым плесом, так что вчуже пронимает аппетит, - вот эти господа, точно пользуются завидным деянием неба.» (МД; Т6; 621).

В свою очередь Селифан и Петрушка не прочь посидеть в кабаке, причем второй всегда пребывает в нетрезвом состоянии (МД; Т6; 673); сам барин его характеризует так: «Петрушка бревно; Петрушка глуп; Петрушка, чай, и теперь пьян.» (МД; Т7; 46).

Чубарый также любит полакомиться: «Хотя ему на часть и доставался овес похуже... он жевал его с удовольствием и ча-

сто засовывал длинную морду свою в корытца к товарищам поотведать, какое у них было продовольствие...» (МД; Т6; 90).

Вайскопф М.¹⁰, анализируя текст поэмы, заметил, что тройка всегда поворачивает направо (в тройке чубарый - правая пристяжная, следовательно, Чичиков является невидимым направляющим, а не Селифан, как это кажется на первый взгляд). Обе наши тройки любят жить в довольстве, а выбор правого пути в русских сказках¹¹ как раз и сулит здоровье, сытость, тогда как левый - горе, иногда смерть. Но тем не менее, герои, выбирающие правый путь, всегда остаются в проигрыше. Так и Чичиков, стремясь к богатству, достатку, терпит крах, едва достигнув желанной цели.

Итак, подведем некоторые итоги. Чичиков и чубарый конь соотносятся по следующим параметрам:

- хитрость, лукавость;
- «подлецы»;
- жесты (голова набок; скачки; другие действия);
- цветовой параметр;
- инородность;
- голос;
- тревоугодие;
- параллелизм ситуации в 5 главе первого тома МД.

Особенно хочется подчеркнуть выделенные параметры, которые являются наиболее важными, ибо раскрывают внутреннюю сущность и черта и Чичикова: ложь, лицемерие и обман – таков закон существования демонических персонажей.

Также намечается сопоставление Чичиков - Селифан - Петрушка (тревоугодие, голос).

Андрей Белый¹² заметил, что Селифан и Петр - это две составляющие Чичикова, т. е. в каждом из слуг воплощается одна из черт характера барина: кучер - «олицетворенье поэзии», чувствительности в Чичикове (вспомним, как заворочила прекрасная блондинка Павла Ивановича - «.. и Чичиковы на

несколько минут в жизни обращаются в поэтов» (МД; Т6; 169) – ср.: в усадьбе Тентетникова «...у Селифана была приманка... породистые стройные девки.» (МД; Т7; 370)), Петрушка же – «носитель чичиковской вони.» (за приветливой внешностью Павла Ивановича скрывается подлец, а в облике Петрушки проявляется вся душевная нечистота и безобразие барина).

Между лакеем и барином есть еще одна связь: Петрушка прочитает любую книжку, о чем бы она ни была (МД; Т6; 20), Чичиков же, о чем бы разговор ни был, всегда умел поддерживать его. (МД; Т6; 17).

Итак, образ барина по-разному преломляется в образах Петрушки и Селифана; такова ситуация в людской тройке.

В свою очередь Павел Иванович соотносится не только с чубарым, но и с другими лошадьми (например, Коробочка, обращаясь к Чичикову, говорит: «Ведь вы, я чай, **заседатель?**» (МД; Т6; 50) – кличка каурого - Заседатель) и со всей тройкой сразу (во-первых, по настроению/состоянию; во-вторых, по ситуации (Ноздрев: «Порфирий, ступай скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, пусть их едят одно сено... Несмотря однако ж на такую размолвку, гость и хозяин поужинали вместе, хотя на этот раз не стояло на столе никаких вин с затейливыми именами. Торчала одна только бутылка с каким-то кипрским, которое было то, что называют кислятина во всех отношениях.» (МД; Т6; 82))).

Получается, что Чичиков является ядром двух троек, т.е. в поэме МД действует принцип отражения, в результате которого, с одной стороны, «тройка людей» отражается в тройке лошадей, и наоборот, с другой - образ Чичикова преломляется как в слугах, так и в конях. Последнее проявляется даже на уровне синтаксиса: «Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят холостяки; лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней уже известных поименно, от За-

седателя до подлеца чубарого. Итак, вот весь на лицо герой наш, каков он есть!» (МД; Т6; 241).

А каков наш герой? «Сейчас видно, что **двуличный человек**,» - говорит Чичикову Ноздрев (МД; Т6; 81); а чиновники в городе NN считают, что «Чичиков должно быть не то, чем показывал.» (МД; Т6; 672); «**сам Чичиков фальшивый** и совсем не то, что кажется.» (МД; Т6; 630); да и сам герой чувствует, что «**сыграл какую-то странную, двусмысленную роль**.» (МД; Т6; 175).

Действительно, образ Чичикова настолько неоднозначен, что, по мнению Гольденберга А.Х. и Гончарова С.А. «...он строится сопряжением предельных полярностей: на одном символическом полюсе - «апостол», «мессия», не другом - «антихрист»¹³. И это как раз послужило бы залогом возрождения Павла Ивановича к концу третьего тома МД через преодоление дьявольского божественным. Но если исследователи анализировали образ главного героя, исходя из сопоставления текста МД с текстами древнерусской литературы, то я буду опираться на анималистические мотивы и продолжу уже начатые наблюдения (см. Чичиков - чубарый - черт).

Чичиков - антихрист. Кроме тех признаков, которые указывают на демоничность образа Павла Ивановича, выявленных через сопоставление его с чубарым, существуют и другие, которые проявляются при анализе текста МД сквозь призму мифологических представлений о черте.

Итак, кроме того, что черти любят пировать, пить вино, они играют в карты - Чичиков половину первой главы (см. МД; Т6), а так же в восьмой (МД; Т6) проводит время за игрой в вист. Черти обожают курить и даже есть табак - Чичиков любит его нюхать (но это скорее всего связано с обычаями описываемого в поэме времени - начало XIX века), вспомним его знаменитую «...серебряную с финифтью табакерку, на дне которой... две фиалки, положенные для запаха.» (МД; Т6; 16).

Кроме того, одной из функций черта является соблазнение женщин - Чичиков, прослыл миллионщиком, «...стал соблазнителен.» (МД; Т6; 622). Интересно, что его похождения обозначаются той же самой фразой, что и сердечные подвиги черта. Ср. в «Ночи перед рождеством» черт «...строит любовные куры!» (НПР; Т1; 204); в поэме дамы, обсуждая личность Чичикова, восклицают: «Неужели он и протопопше строил куры?» (МД; Т6; 183), больше ни об одном из героев Гоголь так не говорит.

Одно из мест обитания черта - болото, поэтому часто в поверьях он сливается с водяным (у Даля В.И.¹⁴ встречаем: «Иногда водяного, редко лешего зовут чертом: вольно черту в своем болоте орать... Ворочает, как черт в болоте... Было бы болото, а черти будут.»); т.е. черт связан с водой. Чичиков, в свою очередь, необыкновенно чистоплотен, в поэме он не раз описывается туалет героя (МД; Т6; 13; 21; 211; 232; Т7; 28), подчеркивается белизна и атлас его щек (МД; Т6; 21; 172; 232; Т7; 339). Даже в шкатулке Чичикова - в святая святых, в самой середине лежит мыльница. (МД; Т6; 55).

Умываясь, Павел Иванович любит рассматривать себя в зеркале. В словаре славянской мифологии сказано : «Если нечистая сила отразится в зеркале, она утрачивает свои магические способности.»¹⁵ И действительно, чем чаще и дольше любитесь своим отражением Чичиков, тем сильнее сыплются на него удары. Первый «камень», о который он споткнулся, - это Коробочка, до встречи с ней герой в первой (МД; Т6; 13), второй (МД; Т6; 21) и третьей главах (МД; Т6; 48) лишь поглядывал на себя в зеркало, перед губернаторским балом, где его репутация, благодаря Ноздреву, будет испорчена, «...целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркало. Пробывалось сообщить ему множество разных выражений.» (МД; Т6; 161). А во втором томе, за несколько мгновений перед тем, как его посадят в тюрьму, Чичиков, надев но-

вый костюм, «...стал рассматривать себя на досуге в зеркале, как артист с эстетическим чувством и *con amore*.» (МД; Т7; 106).

Черт отличается безобразием. После того, как открылась двуличность Чичикова, дамы города NN заметили: «Распустили слухи, что он хорош, и нос у него ... самый неприятный нос.» (МД; Т6;); «...а он на уроды даже не похож. Бог знает, что такое; толст, как шкаф, нос - картофель...» (МД4 Т6; 498); «...черт знает что... **просто самый пребезобразнейший.**» (МД; Т6; 622).

Черт может принимать различные звериные облики, например, барана, волка, козла, коня, собаки, свиньи и т.д.. В МД Чичикову присуща не только пластика коня, но еще и свойства собаки: «...как выражались даже сами товарищи, у него было просто **собачье чутье.**» (МД; Т6; 235); к этому стоит добавить, что трость у Павла Ивановича «...с набалдашником в виде **собачки.**» (МД; Т6; 299), а денег - «...как у **собаки блох**» (МД; Т6; 299); чтобы прогнать от себя неприятные мысли, Чичиков вытряхивается, «...**как пудель**, которого облили водою.» (МД; Т6; 686).

Один раз в тексте встречается сравнение героя с боровом: «Зх, отец мой, да у тебя-то, **как у борова**, вся спина и бок в грязи!» (МД; Т6; 46).

На демонизм Чичикова указывает и сон, приснившийся Коробочке перед его приездом: «Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный... Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих.» (МД; Т6; 54).

В тексте есть и прямое указание на демоничность образа Чичикова: «Надул, надул, **чертов сын!**» (МД; Т6; 231); «даже начальство изъяснялось, что это был **черт**, а не человек.» (МД; Т6; 235).

Анималистические мотивы, связанные с положительным полюсом образа Чичикова, почти не встречаются в поэме. Лишь один раз герой сам себя называет агнцем, кото-

рого собираются заклать (МД;Т7;110).

Очевидно, анималистический план вскрывает почти исключительно дьявольскую суть Чичикова, а его «мессианская» - открывается Гоголем иными средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: Далее ссылки на это издание даются с указанием названия произведения, тома, где оно содержится, и страницы.

2 *Белый Анд.* Мастерство Гоголя. М., 1993 с.57

3 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987. Т4. с. 211

4 *Белый Анд.* Указ. соч. с. 58

5 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998. Т4, с. 610

6 *Гуревич Д.Я. Рогалев Г.Т.* Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М., 1991

7 *Фасмер М.* Указ. соч.

8 *Грушко Е., Медведьев Ю.* Словарь славянской мифологии. Н.Новгород, 1995. с.315

9 *Грушко Е., Медведьев Ю.* Словарь славянской мифологии. Н.Новгород, 1995. с.314

10 *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. М., 1993

11 Народные русские сказки А.И. Афанасьева: в 3 т. М., 1984

12 *Белый Анд.* Указ. соч. с.111

13 *Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах»// Русская литература и культура нового времени. С-П., 1994. с.40

14 *Даль В.И.* Указ. соч. Т4. с. 597.

15 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С.195